

БЫЛИНЫ. СКАЗАНИЯ

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

Идёт Илья к стольному граду Киеву, торопится, хочет поспеть к обедне воскресной, с ласковым князем Владимиром светлый праздник Христов отпраздновать.

Скачет конь богатырский выше леса дремучего, по рекам броду не спрашивает; первый ускок скочил в полторы версты; где скочил, там ключ живой из земли ударил, что и поныне бьёт; за вторым ускоком миновал богатырь родимый Муром, а за третьим ускоком его и след простыл, очутился он под самым под Черниговом.

Как подъехал к городу Чернигову, слышит: под стенами шум и гам, стоят татар многие тысячи, от пыли да от пару лошадиного не видать днём красного солнышка, а ночью — светлого месяца; залегла

сила татарская далеко кругом, так залегла, что ни зайцу серому не проскочить, ни ясному соколу не пролететь. Приостановился Илья.

— Коли побить нехристей — нарушить отцову заповедь, а не пролить кровь татарскую — ждёт черниговцев смерть неминуемая.

Подумал богатырь с минуту и решил всё ж нарушить завет родительский да спасти Чернигов-град. Сошёл он с коня, вырвал левой рукой коренастый дуб, привязал его к левому стремени. Вырвал правой рукой другой дуб, взял его в правую руку вместо дубинки, чтобы ею нехристей пощёлкивать. Сел на коня и пошёл гулять по становищу татарскому: где махнёт рукой — там улица, перемахнёт — переулочек, сам не добьёт — так конём стопчет, дубом, что у стремени, сомнёт. Перебил всех татар, а царевичей татарских отпустил на волю, сказал им на прощание:

— Разнесите весть по свету белому, что святая Русь не пуста стоит, много в ней богатырей, сильных да могучих.

А в городе-то черниговцы все в церкви собрались, молятся, причащаются, с родными прощаются, собираются на татар идти.

Подъехал Илья, слез с коня, привязал его к столбу и вошёл в церковь. Смотрят на него черниговцы, дивуются:

— Откуда ты, молодец, взялся, как к нам в город через силу несметную татарскую мог пробраться?

Перекрестился Илья, поклонился на все четыре стороны, говорит им:

— Эй вы, молодцы добрые, куда собираетесь, о чём тужите, плачете, молитесь?

— Аль не видел, добрый молодец, что вокруг нашего города облегла несметная сила татарская? Не совладать нам с ними, на верную смерть идём.

Усмехнулся Илья, проговорил:

— Не поздно ли собрались, добрые люди? Вы взойдите на стену, гляньте в поле чистое, не лежат ли силы несметные?

Побежали черниговцы на стену, глядят в поле и очам не верят: усеяно поле мёртвыми татарами — ни один не

привстанет, не подымется, вся сила татарская побита, как один человек.

Бросились черниговцы к удалому богатырю, несут ему хлеб-соль, дары великие, серебро, золото, скатный жемчуг, дорогие ткани разноцветные.

— Добрый молодец, могучий богатырь, ты скажи, как тебя звать-величать? Какого ты роду-племени? Прими наши дары, хлеб-соль нашу малую! На твоей великой заслуге бьём тебе челом, просим мы у тебя одной милости: ты останься у нас жить воеводою, будем мы тебе служить верой-правдою, будем слушать приказа твоего богатырского.

— Зовут меня Ильёй Муромцем, а родом я из села Карачарова, не могу я быть воеводою, надо мне поспешить в стольный Киев-град к Красному Солнышку, князю Владимиру; покажите-ка мне туда дорогу прямоезжую.

Переглянулись черниговцы, призадумались.

— Есть от нас к Киеву дорожка прямоезжая, да нельзя по той дорожке ехать! Тридцать лет по дорожке той не езжено,

не хожено, залегли той дорожкой болота-топи глубокие да широкая река Смородина, быстрая, бурливая, что ни броду, ни проезду. К тому ж за рекой Смородиной свито гнездо Соловьиное, засел в нём Соловей-разбойник, нет мимо него ни конному проезду, ни пешему проходу, всех он убивает своим свистом. Ездим же мы, витязь, в Киев окольной дорогой, хоть она и вдвое дальше, да зато вернее. Поезжай-ка, удалый молодец, дорожкой окольной, прямоезжей дорогой пойдёшь на верную смерть, несдобровать твоей головушке от этого свисту Соловьиного.

Разгорелось у Ильи сердце богатырское.

— Мне ли, молодцу, бояться свисту Соловьиного, рыканья звериного? Я поеду в Киев прямой дорожкой, я очищу дорожку ту вплоть до самого Киева.

Вскочил Илья на коня: взвился Бурушко под облака, только черниговцы его и видели.

Доскочил конь до реки Смородины: течёт река Смородина широкая, бурливая, струйки её изменчивые, воды опасливые;

приостановился конь, махнул хвостом, взвился выше лесу стоячего и одним скачком перепрыгнул реку.

Сидит за рекою Соловей-разбойник на девяти дубах, что вершинами в небо упираются; не пролетит мимо него ни пташка малая, ни сизый орёл, не пробежит мимо тех дубов ни заяка-горностайка, ни вепрь, ни буйный тур, ни медведь косолапый — все его посвиста боятся: никому умирать не хочется.

Как завидел Илья Соловья, припустил коня и подскакал к дубам. Зашевелился Соловей, засвистал во весь свой мощный свист, зашипел по-змеиному, заревел по-звериному, так что конь у Ильи на коленки пал. Осерчал богатырь на своего Бурушку, бьёт его плетью по крутым бёдрам, сам приговаривает:

— Травяной ты мешок, не богатырский конь, волкам тебя отдать на съедение! Не слыхал ты, что ли, писку птичьего, не слыхал шипу змеиного, испугался рёву звериного? Видно, надо уж мне, витязю, нарушить завет родительский, окровавить свою стрелу калёную!

Вынул Илья тугой лук из налучника, вставил калёную стрелу, наметил в Соловья — взвилась стрела, попала разбойнику прямо в правый глаз, а в левое ухо вылетела. Свалился Соловей с дуба комом, подхватил его Илья, связал путами сыромятными, привязал к левому стремяни. Глядит на него Соловей, молчит, не смеет слова вымолвить.

— Что глядишь на меня, Соловей-разбойник? — спрашивает Илья. — Али русских богатырей не видывал?

— Ох, попал я в руки крепкие, — закручинился Соловей, — не уйти мне из этих рук могучих, не видать мне вольной волюшки!

Поехал Илья с Соловьём к Киеву, а под Киевом у Соловья другая застава — подворье его Соловьиное. Стоят Соловьиные палаты белокаменные, двор на семи столбах, на семи верстах, вокруг железный высокий тын, а на каждой тынинке по маковке, на каждой маковке по голове богатыря убитого. Посреди двора три терема златоверхие, верхи с верхами свиваются, потолки с потолками сливаются,

крылечки с крылечками сплываются, а промеж теремов сады рассажены зелёные, с цветами лазоревыми. Под теремами залегают погреба глубокие, а в них много несчётной золотой казны награбленной, много всякого богатства, добра наворованного. Жила в этом подворье семья Соловьиная: молодая его жена, да дочери — удалые поленицы¹, да мужья их, зятя Соловьины, все богатыри сильные, могучие.

Как завидел Соловей своё гнёздышко насиженное, забился, аж путы затрещали, и взмолился Илье:

— Бери, богатырь, всё моё подворье великое, бери мои палаты белокаменные, возьми и всё добро, всю казну мою несчётную, отпусти только меня на волю вольную, дай ты мне покаяться, замолить грехи мои тяжкие.

Молчит Илья, не слушает уговоров Соловьиных, напрямик к его подворью едет.

Завидели его в окна дочери и жена Соловья. Старшая дочь и говорит:

¹ Полени́ца — богатырша, сильная женщина.

— Вон наш батюшка едет, чужого мужика везёт у стремени и глаз ему вышиб.

А жена Соловья взглянула и ахнула:

— Ой ты, дочка неразумная, не батюшка ваш мужика везёт, а едет-то богатырь русский, везёт вашего батюшку в путах у стремени.

Взмолилась она зятьям:

— Зятья наши любезные, дети милые! Бегите скорее в погреба глубокие, несите злата, серебра, каменьев самоцветных сколько захватится, выходите к богатырю, встречайте его с почестью, просите, упрашивайте, низко кланяйтесь, чтобы отпустил он вам вашего батюшку, чтобы не казнил его лютой смертью.

Упёрлись зятья, не слушают матери:

— Уж и нам ли семерым не совладать с одним витязем? Уж и нам ли его не осилить? Обернёмся мы чёрными воронами, заклюём его, освободим батюшку.

— Ох вы, дети неразумные! Ваш отец не вам чета, да и то к богатырю в полон попал, где же вам с ним справиться?

Не послушались зятя-сыновья матери, не вышли встретить Илью, а старшая дочь,

Пелька, к воротам подкралась, ухватила доску железную в девяносто пудов и стала поджидать богатыря. Как въехал Илья в ворота, увидал её с доскою железной, дал ей замахнуться. Полетела доска в Илью, а он отмахнул её своею рукой богатырской — попала доска в Пельку да и пришибла её до смерти.

Видит жена, видят другие дочери, что не совладать им с богатырём, бросились ему в ноги, молят, убиваются, дают за отца великие выкупы.

— Не возьму я от вас никаких выкупов, отвезу я вашего отца в Киев, к славному князю Владимиру. Коли хотите отца выручить, приезжайте через три дня со всем вашим богатством-имуществом в терем княжеский, может быть, и отдам вам тогда вашего батюшку.

Повернул Илья коня, не промедлил ни минуточки в Соловьином подворье, за три ускака был уже у Днепра-реки, а перевозчицей там была другая Соловьиная дочь, Катюшенька.

Широка, глубока Днепр-река. Видит Соловей, что не перейти её богатырю, не

перескочить коню богатырскому, и кричит своей дочери:

— Доченька родная, Катюшенька! Не перевози ты добра молодца, богатыря могучего, проси ты у него в залог меня, старика, тогда и перевези, как отпустит меня на волю!

Послушалась отца перевозчица, отчалила и переехала на ту сторону.

Промолчал богатырь, слез с коня, левой рукой его в поводу ведёт, а правой рвёт дубы столетние с корнями, с подкореньями. Подошёл к реке, перебросил дубы, намостил себе мост крепко-накрепко, сам перешёл и коня перевёл.

Вынул он из кармана подорожную плётку шелкóвую о семи хвостах с проволокой, подошёл к перевозчице.

— Ну-ка, девица, теперь мы с тобой рассчитаемся!

Стегнул раз — она с ног свалилась, а другой раз стегнул — тут ей и смерть пришла.

Приумолк Соловей-разбойник, не шелохнётся, на богатыря и глянуть не смеет.

Бежит конь у Ильи, как сокол летит, реки, озёра промеж ног берёт, хвостом

поля устилает. Смотрят на Илью старые богатыри, любят:

— Нет другого богатыря на поездку, как Илья Муромец! Вся поездка его — молодецкая, вся поступка его — богатырская!

Приехал Илья в стольный Киев-град. Отошла обедня воскресная, Владимир Красное Солнышко сидит в тереме с боярами, богатырями да витязями. Привязал Илья коня своего среди двора к высокому столбу точёному, к кольцу позолоченному и говорит Соловью:

— Ты смотри, Соловей, вор Рахманович, не вздумай уйти от коня моего! От меня никуда не убежишь, не спрячешься, везде тебя найду, отсеку твою буйну голову.

А коню своему Бурушке наказывает:

— Конь ты мой добрый, богатырский! Пуще глазу береги Соловья-разбойника, чтобы не ушёл он от стремени булатного.

Вошёл Илья в терем княжеский, в гридню, где пировал Владимир Красное Солнышко, помолился на образа, поклонился на все четыре стороны, князю с княгиней отвесил особый поклон, проговорил:

— Здравствуй, Владимир Красное Солнышко, князь стольнокиевский! Принимаешь ли к себе, Солнышко, заезжего молодца на честное пированье?

Поднесли тут Илье добрую чару зелена вина в полтора ведра. Принимал он чару одною рукой, выпивал одним духом, не поморщился.

Спрашивает его Владимир Красное Солнышко:

— Откуда ты, добрый молодец? Какого рода-племени? Как тебя звать-величать?

— Зовут меня Ильёю, по отчеству Ивановичем. Приехал я из города Муром, из села Карачарова, ехал дорогой прямоезжею.

Выехал из дому, как отошла заутреня, хотел было попасть сюда к обедне, да в дороге позамешкался.

Много было богатырей на весёлом пиру, все они переглянулись, рассмеялись, говорят князю:

— Князь Владимир, ласковое наше Солнышко! В глаза детина-то над тобой насмехается, завирается: нельзя проехать из Муром по прямой дороге в Киев, заросла

она уже тридцать лет, есть на ней застава разбойничья, засел там Соловей-разбойник, не пропускает ни конного, ни пешего.

Не взглянул на них Илья, не ответил, а сказал князю Владимиру:

— Ты не хочешь ли, князь, посмотреть на мою удачу богатырскую? Я привёз тебе в подарочек Соловья-разбойника. Выйди на свой широкий двор, погляди: там мой конь стоит, а к стремени Соловей-разбойник приторочен. Оттого я и позамешкался, что очистил дорогу прямоезжую.

Повскакали тут с мест и Владимир, и все богатыри, спешат с Ильёю на двор княжеский.

Подошёл Владимир к Соловью, подивился на него, говорит:

— Ну-ка, Соловей Рахманович, засвищи-ка по-Соловьиному, потешь нас с богатырями да с витязями.

Не глядит на него Соловей, отворачивается.

— Не твой хлеб, князь, кушаю, не тебя и слушаю, — отвечает.

Поклонился тогда Владимир Илье Муромцу:

— Илья свет Иванович! Прикажи своему Соловью засвистать, потешь нас.

— Ой, великий князь стольнокиевский, запеклись у Соловья уста его, не свистнуть ему теперь; вели ему вынести чару зелена вина в полтора ведра, да другую — пива пьяного, да третью — мёда сладкого, да дай закусить калачом крупитчатым¹ величиной с турий рог, вот тогда он и засвищет, потешит нас.

Принесли Соловью чару зелена вина, принесли пива, мёду сладкого — освежил он свою голову, приготовился свистать.

— Ты смотри мне, Соловей, не вздумай свистать иначе как вполсвиста, — приказывает Илья.

Взял Илья князя с княгинею под мышки, прикрыл их плечами своими могучими и велел Соловью свистнуть.

Засвистал Соловей во всю свою мочь, зашипел по-змеиному, заревел по-звериному, земля всколебалась, с теремов маковки попадали, оконные стёкла повысыпались,

¹ Крупитчатый калач — круглый белый хлеб, выпеченный из пшеничной муки лучшего сорта.